

Русская школа в Женеве | Une école russe à Genève

Автор: Наталья Беглова, [Женева](#), 29.03.2016.

Дивильковский с матерью, женой, сестрами и детьми. Фотография, сделанная накануне отъезда в Швейцарию.

В редакцию «Нашей газеты» приходит множество писем. Открыв очередное послание, мы прочитали следующую заметку под названием «Свободная русская школа в Женеве», вдохновившую нас на небольшое расследование.

|
A la rédaction de Nasha Gazeta nous recevons beaucoup de correspondance. Ayant ouvert

une des lettres nous avons découvert un article intitulé "Une école russe libre à Genève", qui nous a inspiré à une petite investigation.

Une école russe à Genève

«С 1 сентября открывается в живописных окрестностях Женевы свободная русская школа... Школа будет с интернатом для мальчиков и девочек. Отсутствие отметок, работы в саду и огороде, игры на воздухе в парке, экскурсии в исторически интересные и красивые окрестности, водяной и зимний спорт – все это дополняет физическое и умственное образование, которое дается детям на чисто научных началах по лучшим методам преподавания».

Первым порывом было срочно выяснять, где же находится такая замечательная школа и не поздно ли еще записать туда своего ребенка? Но тут взгляд упал на набранный мелким шрифтом источник и дату: газета «Прикамский край», 8 августа 1907 года.

Разочарование, вызванное тем, что ребенку не удастся там поучиться, сменилось интересом: что же это все же за школа и кто ее создал в Женеве?

Кое-что стало ясно из объяснения Александра Львовича Рашковского, краеведа из Кирова (старое название – Вятка), приславшего письмо. Он сообщал о том, что обнаружил этот материал, просматривая старые подшивки газеты «Прикамский край», которая, кстати, одной заметкой не ограничилась. В конце сентября того же года она сообщала своим читателям о том, что «русская средняя рациональная шестиклассная школа» готовится к открытию и детально рассказывала о том, какие задачи ставило перед собой это учебное заведение.

«Основной задачей рациональной школы организаторы считают развитие ума, воли, характера и физического организма детей в направлении, которое обеспечивало бы человеку в будущем выработку прочного, цельного мирозерцания. Этот принцип стал со времен Пирогова и Ушинского руководящим началом русской педагогической мысли.

Училище Фидлера после обстрела здания в 1905 году

...Создание жизнерадостной обстановки для ребенка, специальное внимание, уделяемое каждому по способностям, - вот что организаторы ШКОЛЫ признают более ценным средством в деле воспитания. При ШКОЛЕ состоит врач, который следит как за здоровьем детей, так и за всеми условиями их жизни в гигиеническом и санитарном отношении».

Автор заметки не преминул воспользоваться возможностью, мягко говоря, покритиковать государственную систему просвещения: «Министерство Народного Просвещения же всегда преследовало цели, не имеющие ничего общего с педагогикой - цели внутренней политики. Благодаря этому в казенной средней школе, где все проводится и осуществляется механически, инициаторам и исполнителям бумажных реформ совершенно чужды рациональные педагогические приемы воспитания и обучения. Отдать ребенка в казенную среднюю школу, - это значит подвергнуть его умственному, а, очень часто, и физическому калеченью. Вместе с тем налицо все данные, что его оттуда выпустят, хотя и с дипломом (аттестатом), но невеждой».

Звучит весьма актуально, будто и не прошло больше ста лет.

Кто же эти люди, задумавшие создание школы в Женеве? На это газета «Прикамский край» дает ответ: инициатива принадлежала Ивану Ивановичу Фидлеру, а поддерживал его кружок русских педагогов, среди которых назывались имена Ф.М. Азнаурова, Е.М. Десятовой, Н.Н. Ге и Н.А. Падарина.

Современный вид здания, где размещалась школа Фидлера

Имя Ивана Ивановича Фидлера достаточно хорошо известно. В начале века в Москве его училище, которое так и называли Фидлеровским, считалось одним из лучших. Так, будущий известный физик и академик В.В. Шулейкин, учившийся там, вспоминал: «Очень хороший состав преподавателей был в реальном училище Фидлера, находившемся недалеко от нашего Покровского бульвара, на Чистых прудах, на углу Лобковского и Мыльниковых переулков. ...Какая прекрасная была эта школа. С каким теплом, с какой благодарностью ее вспоминаю». (А на Фидлеровских курсах в Киеве училась Маруся, героиня последнего романа Людмилы Улицкой «Лестница Якоба», имеющего, кстати, связь со Швейцарией).

Что же заставило вполне преуспевавшего директора училища покинуть столицу и отправиться в Женеву? Оказалось, что во время событий 1905 года в здании Фидлеровского училища располагался один из центров революционеров. Уже в марте 1905 года в школе проходили нелегальные собрания рабочей и учащейся молодежи, а в здесь состоялось заседание Московской городской конференции большевиков. Именно на этом собрании было решено начать 7 декабря всеобщую политическую стачку, которая затем, по замыслу большевиков, должна была перейти в вооруженное восстание. Но все развивалось не совсем по плану. 9 декабря школу, в которой собрались на совещание дружинники и симпатизировавшая большевикам молодежь, окружили войска. Был предъявлен ультиматум. Собравшиеся отказались покинуть здание. Тогда начался артиллерийский обстрел школы. Три человека были убиты и пятнадцать ранены. Здание также сильно пострадало. Именно после разгром училища Фидлера началось вооруженное восстание большевиков.

Иван Иванович Фидлер, не принимавший участия в восстании, тем не менее, опасался, что его сочтут сочувствующим революционерам. И действительно, Фидлера арестовали, но потом отпустили под залог.

Иван Иванович предпочел не рисковать, а благоразумно покинуть Москву и поискать прибежища за границей, тем более, что в средствах он не нуждался, его жена была весьма состоятельной женщиной. Что же касается школы, то после ремонта здесь опять разместилось учебное заведение. На сей раз реальное училище Баженова, а в советское время в этом здании находилась школа №. 40 имени Революции 1905 года.

Женева была выбрана Фидлером не случайно. Ивану Ивановичу было известно, что город буквально наполнен русскими политическими эмигрантами, а значит, русская школа вполне могла быть востребована.

Екатерина Павловна Пешкова с сыном Максимомс. Нижний Новгород, 1900 год.

Одним из учредителей школы был Николай Андреевич Падарин. Именно его имя привлекло внимание краеведа из Кирова, приславшего заметку. Оказалось, что память о Падарине - не просто как о педагоге, но и как о просветителе - до сих пор чтут в Кирове. Вот отрывок из воспоминаний одной из его учениц, М.Н. Огневой, которая впоследствии сама стала замечательным педагогом.

«Н.А. прославился тогда, как лучший учитель, дающий уроки по латыни для поступающих в университеты реалистов, которые должны были сдавать экзамены на аттестат зрелости. ...Н.А. был замечательный педагог, превосходно знавший предмет. Уроки его были очень интересны, и латынь, этот «скучный и нудный» для гимназистов предмет, оказался весьма увлекательным...»

Судя по ее воспоминаниям, Падарин был не только прекрасным учителем, но и замечательным человеком: он возглавлял «Вятское общество вспомоществования учащимся высших учебных заведений» и много помогал талантливой, но нуждавшейся молодежи.

Оказавшись в Женеве, Падарин продолжал хлопотать за знакомых учеников. В архиве Российской Академии Наук нам удалось обнаружить письмо, написанное Падариным, подтверждающее то, о чем пишет Огнева. В этом письме Николай

Андреевич хлопчет за двух знакомых девушек, которые стремились попасть на Московские высшие женские курсы (курсы профессора В. И. Герье). Эти курсы, торжественное открытие которых состоялось в 1872 году, отличались исключительно высоким уровнем преподавательского состава. Достаточно сказать, что русскую историю, например, там преподавал В.О. Ключевский, чьи книги по истории России до сих пор востребованы. А курс по философии читал В.С. Соловьев, стоявший у истоков возрождения русского самосознания начала XX века.

Падарин объясняет знакомому, от которого ждет содействия, что девушки, за которых он хлопчет, еврейского происхождения, и это может создать определенные трудности для их поступления на курсы. «Мои protégé – пишет Николай Андреевич, – умные и в истинно смысле слова интеллигентные девицы».

Почему Николай Андреевич оказался в Женеве? Ответ на этот вопрос еще предстоит найти. Мы не смогли также узнать, кем были другие педагоги, работавшие в женевской школе, о которых идет речь в заметки: Ф.М. Азнауров, Е.М. Десятова.

Максим Горький и Екатерина Павловна Пешкова.

В списке учредителей фигурирует также «Н.Н. Ге». Мы практически уверены, что речь идет о Николае Николаевиче Ге, но не о знаменитом художнике, а о его старшем сыне, названном в честь отца. Известно, что Ге младший в 1900 году уехал из России в Швейцарию, в Женеву. Более того, известно, что поселился он у Бирюковых, на русской вилле в Онэ, о которой мы уже подробно рассказывали. Николай Николаевич был неплохим художником, но жил не только живописью - позднее он преподавал русский язык в Сорбонне. Можно предположить, что в школе

Фидлера в Женеве он вел уроки либо рисования, либо русского языка.

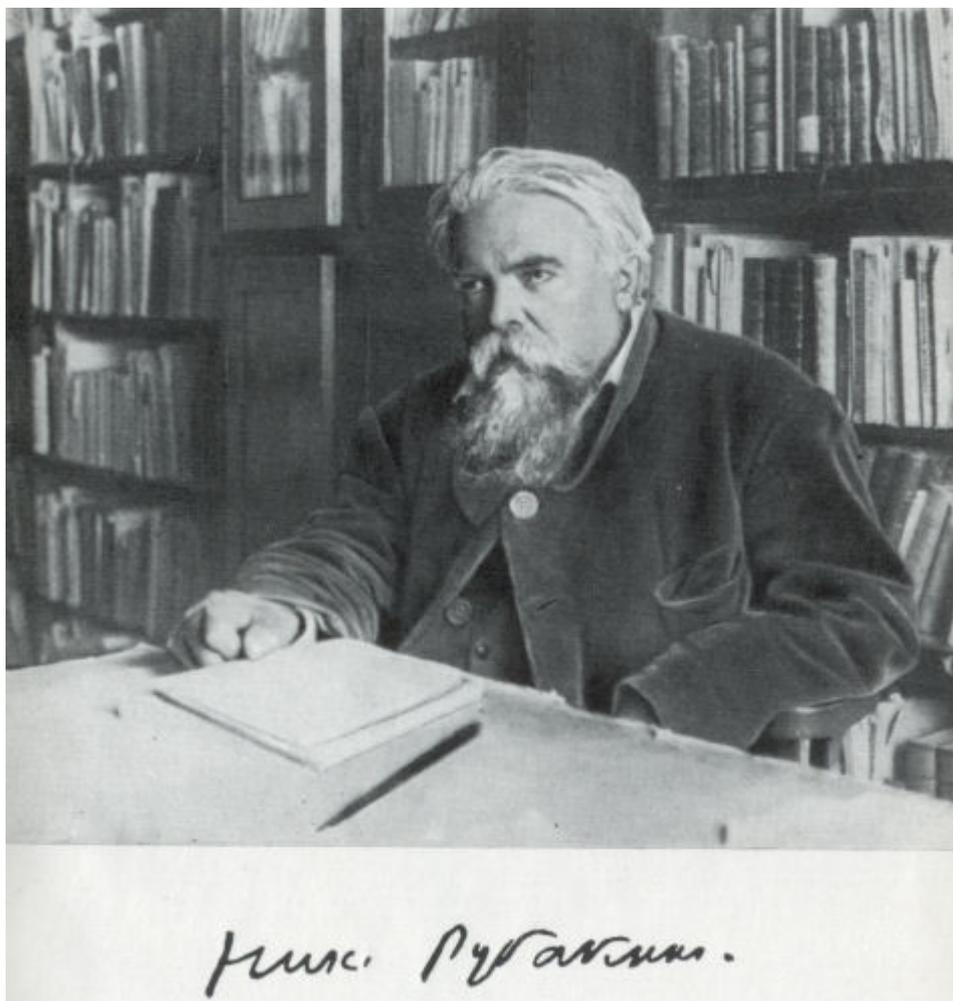
Кто-то из бдительных читателей подумает, а можно ли вообще утверждать, что подобная школа была открыта? Ведь вся информация о ней содержится в двух заметках. И обе они из одной и той же газеты. Не вымысел ли это ее редактора? На всякий случай стали искать дополнительные доказательства существования школы. И нашли, причем весьма убедительные.

Одно из них содержится в воспоминаниях Александра Николаевича Рубакина «Лоцман книжного моря». Книга посвящена отцу Александра Николаевича - известному революционеру, писателю, просветителю, библиографу Николаю Александровичу Рубакину, о котором Наша Газета уже подробно [рассказывала](#).

Так вот, в книге «Лоцман книжного моря» приводятся некоторые детали начального периода жизни Рубакиных в Швейцарии, где они оказались в 1907 году. Причина? Как и почти у всех в этот момент - угроза ареста в России после разгрома там революционного движения.

Вот как Александр Николаевич описывает свой приезд в Женеву, где, как он знал, уже находился его отец: «В Женеве, которая для меня была совершенно неизвестна, я случайно каким-то образом попал через данный мне в Петербурге адрес к социал-демократу писателю Дивильковскому, которого видал раньше у отца. Дивильковский сообщил мне, что в этот же день я смогу встретиться с отцом на вечере, устраивавшемся политэмигрантами. Действительно, там я с ним и встретился. Отец тогда жил в «школе Фидлера» и перетащил туда же и меня. Школа Фидлера находилась в предместье Женевы - Жюсси, почти на самой границе с Францией, в большом здании, окруженном садом. Туда шел электрический трамвай».

И продолжает чуть ниже: «Ни у отца, ни у меня отдельной комнаты в школе не было. Мы спали на диванах в какой-то из классных комнат. В здании было холодно - на отопление не хватало средств. Остаться в школе было невозможно - отец жаждал снова засесть за работу, а в школе работать он не мог».

Николай Александрович Рубакин

Итак, вот оно, упоминание о школе Фидлера в источнике, заслуживающем, на наш взгляд, доверия. Значит, школа все-таки была! Возможно, далеко не все получилось так, как это было задумано изначально, но работа шла.

В тех же воспоминаниях Рубакина есть еще несколько интересных фактов. Так, он пишет: «Во главе школы встал ряд виднейших русских политэмигрантов. В работе ее принимала очень близкое участие Екатерина Павловна Пешкова, первая жена А.М. Горького, необыкновенно симпатичная, умная, сердечная и энергичная женщина, жившая в Женеве вместе со своим сыном Максимкой».

Дело в том, что Екатерина Павловна в начале 1907 года выехала из России в Италию, где к этому времени поселился М. Горький. Несмотря на развод в 1903 году, бывшие супруги на всю жизнь сохранили очень теплые отношения. Помимо Италии Пешкова жила и в Швейцарии, хотя большую часть времени, проведенного в эмиграции, проводила в Париже. Известно, что Екатерина Павловна очень активно включилась в общественную и политическую жизнь российской эмиграции, поэтому ее интерес к созданию русской школы в Женеве удивления не вызывает. Кроме того, как мы увидим далее, там учился и ее сын.

В мемуарах, написанных известным советским дипломатом Сергеем Ивановичем Дивильковским, цитируется письмо, написанное Екатериной Францевной, женой его отца Анатолия Авдеевича, том самом, с помощью которого Рубакин разыскал своего родителя. В нем идет речь о встрече семьи Дивильковских с Горьким, его женой и

сыном. Вот что в нем, в частности, говорится: «С тех пор мы увиделись с Алексеем Максимовичем только в Москве. Когда мы приехали в Москву в ноябре 1918 г., в «Националь», в 1-й Дом Советов прибежал к нам Максим, сын Алексея Максимовича, который был учеником моего мужа по школе Ив. Ив. Фнулера в Женеве, и пришла к нам Екатерина Павловна Пешкова. С Алексеем Максимовичем муж встретился где-то на собрании...»

Анатолий Авдеевич Дивильковский. Фото начала 1920-х годов.

Очевидно, что Екатерина Францевна перепутала название школы: инициалы указала правильно, а вот вместо фамилии Фидлер написала «Фнулер». Но это не меняет дела: отрывок из письма, приведенный выше, содержит весьма ценную информацию. Прежде всего, он подтверждает тот факт, что сын Горького, Максим, учился в Женеве в школе Фидлера. И, главное, не оставляет сомнений в том, что в школе преподавал Анатолий Авдеевич Дивильковский – член Петербургского комитета РСДРП, яркий публицист, эмигрировавший в Швейцарию в 1906 году. Хотя ему было всего тридцать три года, у него была большая семья: четыре дочери и два сына. Для ее содержания ему приходилось браться за любую работу. Так, другой известный революционер, В.Д. Бонч-Бруевич, писал, что Дивильковскому «пришлось испить до дна горькую чашу тяжелого существования с семьей в голодное и безработное время эмиграции». Преподавание в школе давало ему тот постоянный заработок, которого семье так не хватало.

Увы, просуществовала женевская русская школа, ставшая предметом нашего почти детективного расследования, недолго. Согласно некоторым источникам, уже в конце 1908 года школа Фидлера переехала в Париж. Почему это произошло? Ответа на этот вопрос мы пока не нашли.

... В начале 1990-х годов в Швейцарию, и в частности в Женеву, хлынул поток детей

из России. Богатые и не очень россияне мечтали о том, чтобы их дети отправились учиться за границу. Не будем сейчас рассуждать о том, почему их не устраивало образование, которое их дети получали на родине. Мы, не понаслышке знакомые со швейцарской системой образования, не думаем, что она во всем превосходит ту, которая существовала в Советском Союзе. Но, как это часто бывает, там хорошо, где нас нет. В конце 1990-х во многих швейцарских международных школах уже до 80 % учеников приехали из России или из бывших советских республик. Обучение в таких школах во многом теряло свой смысл: ученики говорили между собой по-русски, да и программы обучения приходилось приспособлять к их знаниям и потребностям, ведь далеко не все они собирались продолжать обучение за границей, многие мечтали вернуться на Родину. Найдись в это время такой же талантливый и предприимчивый человек, каким был Фидлер, и создай он действительно качественную русскую школу в Швейцарии, отбоя от учеников, мы уверены, не было бы!

[школа в Швейцарии](#)

[школьное образование в Швейцарии](#)

Статьи по теме

[Николай Александрович Рубакин: «Дорогой самоучитель»](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/education-et-science/russkaya-shkola-v-zheneve>